

УДК 316.6: 159.9.072.43

EDN SXIABT

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-2-133-144>

Научная статья

Социальный интеллект и проявление киберагрессии у подростков

С. С. Антипина^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Светлана Степановна Антипина, SPIN-код: [1185-7022](#), Scopus AuthorID: [57222137804](#), ORCID: [0000-0002-6807-8141](#), e-mail: sveta-anti@mail.ru

Для цитирования: Антипина, С. С. (2022) Социальный интеллект и проявление киберагрессии у подростков. *Психология человека в образовании*, т. 4, № 2, с. 133–144. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-2-133-144> EDN SXIABT.

Получена 10 января 2022; прошла рецензирование 27 января 2022; принята 4 февраля 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © С. С. Антипина (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](#).

Аннотация

В статье приводятся результаты исследования, направленного на изучение взаимосвязей между склонностью к различным формам киберагрессии и социального интеллекта (социальным осознанием и социальными навыками) подростков. Киберагрессия понимается как одна из форм деструктивного поведения в интернете. Виды киберагрессии выделяются на основании типологической модели киберагрессии, предложенной К. С. Рунионсом. Он описывает киберагрессию подростков через их мотивационные цели и способность к поведенческому самоконтролю. Сбор данных осуществлялся с помощью опросника «Типология киберагрессии», адаптированного для русскоязычной выборки в нашем исследовании, и методики «Шкала социального интеллекта Тромсо», адаптированной для русскоязычной выборки подростков А. Д. Наследовым и В. Ю. Семеновым. В исследовании приняли участие 317 подростков, учащихся 5–9 классов общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга в возрасте 11–16 лет. Участие в исследовании было добровольным, каждый имел информированное согласие родителя. В ходе исследования у учащихся была выявлена склонность к проявлению киберагрессии на протяжении всего подросткового возраста, особенно ее произвольно-ответной формы. В целом подростки в большей степени оказались готовы проявить агрессию ради «мести» партнеру по интернет-коммуникации. Результаты исследования позволили зафиксировать взаимосвязи между склонностью к киберагрессии, социальным осознанием, социальными навыками и социальным интеллектом в целом. Корреляционные связи склонности к киберагрессии с социальными навыками отмечены только для 12–13-летних подростков. Для 15-летних подростков не выявлено ни единой связи между рассматриваемыми факторами. Регрессионный анализ позволил получить статистически значимую регрессионную модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для каждого отдельного фактора, но полученные предикторы не оказывают сильного влияния на склонность к проявлению киберагрессии. На основании полученных результатов мы предположили, что киберагрессия может иметь различные психологические причины. Таким образом, был сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к профилактике и коррекции киберагрессии подростков.

Ключевые слова: подростки, киберагрессия, социальный интеллект, социальное осознание, социальные навыки, мотивы киберагрессии, предикторы киберагрессии

Article

Social intelligence and cyber-aggression in adolescents

S. S. Antipina✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Svetlana S. Antipina, SPIN: [1185-7022](https://orcid.org/1185-7022), Scopus AuthorID: [57222137804](https://orcid.org/57222137804), ORCID: [0000-0002-6807-8141](https://orcid.org/0000-0002-6807-8141), e-mail: sveta-anti@mail.ru

For citation: Antipina, S. S. (2022) Social intelligence and cyber-aggression in adolescents. *Psychology in Education*, vol. 4, no. 2, pp. 133–144. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-2-133-144> EDN SXIABT.

Received 10 January 2022; reviewed 27 January 2022; accepted 4 February 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. S. Antipina (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

The article presents the results of research into the relationship between the propensity to various forms of cyber-aggression and the social intelligence (social awareness and social skills) of adolescents. Cyber-aggression is understood as form of destructive behavior on the Internet. The types of cyber-aggression are distinguished based on the typological model proposed by K.C. Runions who describes cyber-aggression of adolescents through their motivational goals and behavioral self-control capacities. Data collection was carried out using the “Typology of Cyber-Aggression” questionnaire and “The Tromsø social intelligence scale”. Both questionnaires were adapted for the Russian-speaking sample of adolescents. The study involved 317 students of 5th–9th grades of secondary schools in St Petersburg aged 11–16 years. Participation in the study was voluntary. Informed parental consent was obtained in respect of each student. The study showed that students are prone to cyber-aggression during the entire adolescence period—especially to the controlled-aversive form of cyber-aggression. In general, adolescents were more likely to show aggression as “revenge” on their internet communication partner. The study made it possible to record the relationship between the propensity to cyber-aggression, social awareness, social skills and social intelligences as a whole. Correlation between the propensity to cyber-aggression and social skills was noted only for 12–13 year olds. For 15 year olds, there was not a single association between cyber-aggression and the predictors in question. We used regression analysis to obtain a statistically significant regression model both for cyber-aggression in general and for each of its form in particular, but the obtained predictors do not have a strong influence on the propensity to manifest cyber-aggression. Based on this study, we hypothesized that cyber-aggression might have various psychological causes. Thus, there is a need for a differentiated approach to the prevention and correction of adolescent cyber-aggression.

Keywords: adolescent, cyber-aggression, social intelligence, social awareness, social skills, cyber-aggression motives, cyber-aggression predictors

Введение

Человечество сравнительно недавно стало использовать интернет. Основная функция интернета сегодня — общение. Виртуальная коммуникация в последние годы заменила реальное общение. Однако, как и в любом коммуникативном пространстве, в интернете человек может столкнуться с проявлениями деструктивного поведения.

Подростки активно используют интернет. Примерно с 11 лет они начинают активно взаимодействовать со сверстниками. Интернет-сообщества предлагают подросткам возможность познакомиться с новыми людьми, узнать что-то

новое и перестать испытывать чувство одиночества. По данным совместного исследования Google и Ipsos, 98% молодых людей в возрасте от 13 до 24 лет пользуются интернетом ежедневно. 27% россиян 13–24 лет проводят в социальных сетях более 5 часов в день (Хломов, Давыдов, Бочавер 2019). По результатам исследования Фонда Развития Интернет, 30% школьников 12–17 лет чувствуют себя в интернете более самостоятельными, чем в реальной жизни (Серажетдинова 2020), что, по нашему мнению, является одним из существенных факторов распространения киберагрессии в подростковой среде.

Именно подростки характеризуются существенными рисками, сопряженными с девиант-

ным поведением в интернет-пространстве, в том числе с киберагрессией, что может проявляться как в различных формах кибервиктимизации подростков (например, флейминг, троллинг), так и в формировании у них склонности к проявлению агрессии в адрес партнеров по интернет-коммуникации. В качестве наиболее распространенного определения киберагрессии приведем дефиницию Д. В. Григг: «киберагрессия — это нанесение посредством использования цифровых устройств намеренного вреда одному человеку или группе людей, который воспринимается как оскорбительный, уничижительный, наносящий ущерб или нежеланный» (Grigg 2010, 152).

По мнению К. С. Рунионса, киберагрессию подростков можно описать через их мотивационные цели (инициативная или ответная киберагрессия) и способность к поведенческому самоконтролю (импульсивная или произвольная киберагрессия). Эта модель предполагает четыре формы киберагрессии в подростковом возрасте: импульсивно-ответную, произвольно-ответную, импульсивно-инициативную и произвольно-инициативную (Runions 2013). По мнению автора, ответная киберагрессия может носить импульсивный характер, являясь реакцией на провокации со стороны других пользователей, или же осуществляться произвольно, в качестве расчетливых действий, направленных на то, чтобы наказать обидчика. Инициативная киберагрессия также может принимать импульсивные и контролируемые формы (Runions, Bak, Shaw 2017).

В современном обществе феномен киберагрессии набирает широкую популярность в подростково-молодежной среде. Этому способствует ряд факторов: возможность проявлять агрессию в течение 24 часов, независимо от времени и места; агрессор не имеет возможности видеть эмоциональную реакцию жертвы, что способствует снижению уровня сочувствия, и, как результат, обесценивание наносимого урона со стороны агрессора; возможность многократного использования одного и того же источника угрозы, а также увеличение аудитории наблюдателей (Солдатова, Чигарькова, Дренева, Илюхина 2019). Агрессоры в интернет-пространстве обычно рассчитывают на анонимность, не опасаясь потенциального наказания и неодобрения, позволяют себе значительно больше, чем привыкли в обычной жизни, где за поступки и высказывания приходится отвечать (Ярец, Хатулева, Кирило 2019). Эти факторы наряду с возможностью в любой момент «присоединиться» или «отсоединиться» от общения в сети

и отсутствием инструментов принуждения к данному общению способствуют усилению девиантного коммуникативного поведения. Высокая пользовательская активность подростков в сочетании с их слабой осведомленностью об опасностях интернет-пространства и способах их избегания или преодоления делает подростков уязвимыми к виктимизации через интернет (Бочавер, Хломов 2014).

Основной массив исследований киберагрессии посвящен оценке распространенности данного явления и последствиям виктимизации онлайн (Bauman, Bellmore 2015); при этом вопрос поиска и определения причин склонности к киберагрессии и факторов защиты, которые могли бы препятствовать закреплению соответствующих моделей поведения, остается по-прежнему мало изученным. Последние десятилетия активно ведется изучение взаимосвязей личностных особенностей подростков с их склонностью к киберагрессии. Эмпирические исследования показывают, что киберагрессия связана с высоким уровнем агрессивности (Погорелова, Арькова, Голубовская 2016; Шаров 2020), низким уровнем аффективной эмпатии, эмоционального интеллекта (Yudes, Rey Peña, Extremera Pacheco 2019) и самоконтроля (Vazsonyi, Machackova, Sevcikova et al. 2012), низким уровнем регуляции и использования эмоций (Estevez, Jauregui, Lopez-Gonzalez 2019; Zych, Beltrán-Catalán, Ortega-Ruiz, Llorent 2018), а также с низким эмоциональным вниманием и пониманием эмоций других (Landazabal 2017). Эмоциональный и социальный дефицит может привести к трудностям в понимании негативных эмоций и управлении ими, увеличивая тенденцию к неадаптивному поведению или более агрессивным реакциям. Напротив, социальные компетенции могут защитить детей и подростков от киберагрессии (Zych, Beltrán-Catalán, Ortega-Ruiz, Llorent 2018).

Успешное взаимодействие с внешним миром требует понимания поведения других людей; порой для этого личностных качеств и внутренней мотивации может быть недостаточно. Необходимо уметь правильно интерпретировать поступки окружающих, понимать внутреннюю логику социальной ситуации. Эта способность была объединена в понятие «социальный интеллект». Многие ученые стремились исследовать и измерить данный феномен: Э. Торндайк (Thorndike 1920), Д. Гилфорд (Гилфорд 1965), Г. В. Олпорт, М. Форд, М. Тисак, Ю. Н. Емельянов, Н. А. Кудрявцева и другие (Аршанская (Шешукова) 2018). В исследованиях показано, что социальный интеллект определяет успешность

общения и социальной адаптации; умение распознавать эмоции, проявлять «социальную чувствительность» и понимать интересы окружающих («социальное осознание»); возможность прогнозировать поведение других людей, решать социальные задачи, проявлять дальновидность в отношениях («социальные навыки»). В свою очередь, низкий уровень социального интеллекта влечет за собой непонимание в общении, ошибочное определение поступков и поведения, эмоций и чувств. На основании этого люди испытывают трудности во взаимоотношениях с окружающими; как результат — благоприятная почва для проявления агрессии.

В подростковом возрасте социальный интеллект приобретает особое значение. В этот период осуществляется переориентация функции социального интеллекта: подросток переходит от узнавания и отражения к анализу и сравнению (Калиновская 2011), усложняется способность проникнуть в социальные чувства (Карпович 2002). Подросток учится прогнозировать последствия социальных действий.

Организация и методы исследования

Способность социального интеллекта выступать в роли фактора, провоцирующего агрессию, послужила идеей для исследования взаимосвязи уровня социального интеллекта и склонности к проявлению киберагрессии. Цель нашего исследования состояла в том, чтобы изучить связи между склонностью к проявлению киберагрессии и социальным интеллектом на выборке подростков. В дополнение к этому, учитывая результаты наших предыдущих исследований, указывающих на опосредованность личностной детерминированности склонности к киберагрессии факторами возраста (Антипина, Микляева 2021), нас интересовало, изменяется ли характер взаимосвязей между склонностью к киберагрессии и социальным интеллектом по мере взросления подростков.

В исследовании приняли участие 317 подростков в возрасте 11–16 лет (48% девочек, 52% мальчиков), учащиеся школ г. Санкт-Петербурга, в том числе 54 человека в возрасте 11 лет, 73 человека — 12 лет, 86 человек — 13 лет, 29 человек — 14 лет, 44 человека — 15 лет и 31 человек — 16 лет. Участие в исследовании было добровольным, каждый имел информированное согласие родителя.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методов анкетирования и тестирования. Анкета включала вопросы, позволяющие получить информацию социально-демографического характера.

Оценка склонности к киберагрессии осуществлялась с помощью опросника «Типология киберагрессии», адаптированного для русскоязычной выборки в нашем исследовании (Антипина 2021). Данный опросник оценивает киберагрессию с позиции самоконтроля и мотивации. Опросник учитывает два измерения киберагрессии (ответная/инициативная и произвольная/импульсивная) и позволяет оценить различные мотивы киберагрессии, такие как импульсивно-инициативная, импульсивно-ответная, произвольно-инициативная и произвольно-ответная киберагрессия, а также общую тенденцию к киберагрессии.

Социальный интеллект оценивался с помощью методики «Шкала социального интеллекта Тромсо», адаптированной для русскоязычной выборки подростков А. Д. Наследовым и В. Ю. Семеновым (Наследов, Семенов 2015).

При обработке основного массива данных для выявления взаимосвязей между мотивами киберагрессии и социальным интеллектом применялся коэффициент корреляции Спирмена (r_s). Сравнительный анализ осуществлялся с помощью критерия Манна — Уитни (Z). Статистическая обработка данных была произведена с помощью пакета статистических программ IBM SPSS версии 23.0.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования показали, что между показателями киберагрессии, социальным осознанием, социальными навыками и в целом социальным интеллектом в процессе анализа данных, полученных на совокупной выборке, обнаруживаются корреляционные взаимосвязи. Показатели различных типов киберагрессии связаны друг с другом тесными положительными связями ($0,05 \leq r_s \leq 0,79$ при $p < 0,01$), так же как и показатели социального интеллекта ($-0,21 \leq r_s \leq 0,64$ при $p < 0,01$). При этом зафиксированы положительные взаимосвязи между суммарным показателем киберагрессии и различными типами киберагрессии.

Корреляционный анализ показал, что склонность к киберагрессии в целом и ее отдельным формам в частности у подростков связана с различными характеристиками социального интеллекта. Положительная взаимосвязь выявлена между показателями различных типов киберагрессии, суммарным показателем социального интеллекта и показателем социального осознания. Значимой связи между типами киберагрессии и социальными навыками не выявлено. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Табл. 1. Коэффициенты корреляции и описательные статистики (по выборке в целом)

Показатели	Возраст	ИО	ПО	ПИ	ИИ	КА	СО	СН	СИ
М	13,1	9,05	10,53	7,45	7,44	34,46	25,34	39,18	64,53
S	1,59	3,29	2,95	2,37	2,66	8,67	8,19	8,35	10,41
Импульсивно-ответная КА (ИО)	-0,09	1,00							
Произвольно-ответная КА (ПО)	-0,04	0,05**	1,00						
Произвольно-инициативная КА (ПИ)	0,04	0,49**	0,39**	1,00					
Импульсивно-инициативная КА (ИИ)	0,12*	0,37**	0,05**	0,53**	1,00				
Киберагрессия (сум.) (КА)	0,003	0,79**	0,77**	0,75**	0,75**	1,00			
Социальное осознание (СО)	-0,19**	0,21**	0,29**	0,14*	0,24**	0,29**	1,00		
Социальные навыки (СН)	0,13*	-0,06	0,06	0,08	0,09	0,05	-0,21**	1,00	
Социальный интеллект (сум.) (СИ)	-0,05	0,11*	0,28**	0,17**	0,26**	0,27**	0,62**	0,64**	1,00

Примечание: КА — киберагрессия; * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Table 1. Correlation coefficients and descriptive statistics (for the sample as a whole)

Indicators	Age	IAv	CAv	CAp	IAp	CA	SA	SS	SI
M	13.1	9.05	10.53	7.45	7.44	34.46	25.34	39.18	64.53
S	1.59	3.29	2.95	2.37	2.66	8.67	8.19	8.35	10.41
Impulsive-aversive CA (IAv)	-0.09	1.00							
Controlled-aversive CA (CAv)	-0.04	0.05**	1.00						
Controlled-appetitive CA (CAp)	0.04	0.49**	0.39**	1.00					
Impulsive-appetitive CA (IAp)	0.12*	0.37**	0.05**	0.53**	1.00				
Cyber-aggression (total) (CA)	0.003	0.79**	0.77**	0.75**	0.75**	1.00			
Social awareness (SA)	-0.19**	0.21**	0.29**	0.14*	0.24**	0.29**	1.00		
Social skills (SS)	0.13*	-0.06	0.06	0.08	0.09	0.05	-0.21**	1.00	
Social intelligence (total) (SI)	-0.05	0.11*	0.28**	0.17**	0.26**	0.27**	0.62**	0.64**	1.00

Note: CA—cyber-aggression; * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Одна из задач нашего исследования — изучить взаимосвязь между склонностью к киберагрессии и социальным интеллектом по мере взросления подростков. Соответствующие ей результаты отражены в таблице 2. Анализ описательных статистик, рассчитанных с учетом возраста респондентов, позволил отметить, что показатели киберагрессии находятся на достаточно высоком уровне в выборках подростков 12–13 лет, снижаясь к 15 годам. Проявления импульсивно-

инициативной киберагрессии увеличивается по мере взросления респондентов, достигая своего максимума в 15 лет, в то время как проявления импульсивно-ответной киберагрессии снижаются. В целом же суммарное проявление киберагрессии изменяется от года к году незначительно. Значения показателей социального интеллекта на протяжении всего подросткового возраста находятся примерно на одинаковом уровне, при этом показатели социального осознания снижаются

Табл. 2. Описательные статистики, характеризующие подгруппы подростков с учетом возраста

Признаки	Возраст						Z
	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	
Импульсивно-ответная КА	9,15 ± 3,66	9,69 ± 3,7	8,93 ± 2,86	8,35 ± 3	8,82 ± 3,55	8,68 ± 2,37	–
Произвольнo-ответная КА	10,54 ± 3,34	10,74 ± 3,23	10,59 ± 2,96	10,31 ± 2,55	10,4 ± 2,82	10,26 ± 2,09	–
Произвольнo-инициативная КА	7,28 ± 2,52	7,56 ± 2,17	7,3 ± 2,45	7 ± 1,6	7,95 ± 3,03	7,58 ± 1,78	–
Импульсивно-инициативная КА	6,72 ± 2,26	7,52 ± 2,52	7,52 ± 2,69	6,38 ± 1,54	8,23 ± 3,44	8,09 ± 2,74	2,97**
Киберагрессия (сум.)	33,69 ± 9,14	35,5 ± 8,41	34,35 ± 8,92	32,03 ± 6,47	35,4 ± 10,35	34,61 ± 6,77	–
Социальное осознание	27,09 ± 9,2	25,85 ± 7,54	26,39 ± 8,32	23,34 ± 8,09	24,66 ± 7,96	21,03 ± 6,27	3,05*
Социальные навыки	38,61 ± 8,81	38,49 ± 8,45	38,61 ± 7,65	37,86 ± 9,55	40,68 ± 8,23	42,55 ± 7,66	–
Социальный интеллект (сум.)	65,7 ± 12,5	64,34 ± 11,52	65,01 ± 9,72	61,2 ± 9,77	65,34 ± 8,66	63,58 ± 8,27	–

Примечание: КА — киберагрессия; * — p ≤ 0,05; ** — p ≤ 0,01.

Table 2. Descriptive statistics characterizing subgroups of adolescents by age

Indicators	Age						Z
	11 years	12 years	13 years	14 years	15 years	16 years	
Impulsive-aversive CA	9.15 ± 3.66	9.69 ± 3.7	8.93 ± 2.86	8.35 ± 3	8.82 ± 3.55	8.68 ± 2.37	–
Controlled-aversive CA	10.54 ± 3.34	10.74 ± 3.23	10.59 ± 2.96	10.31 ± 2.55	10.4 ± 2.82	10.26 ± 2.09	–
Controlled-appetitive CA	7.28 ± 2.52	7.56 ± 2.17	7.3 ± 2.45	7 ± 1.6	7.95 ± 3.03	7.58 ± 1.78	–
Impulsive-appetitive CA	6.72 ± 2.26	7.52 ± 2.52	7.52 ± 2.69	6.38 ± 1.54	8.23 ± 3.44	8.09 ± 2.74	2.97**
Cyber-aggression (total)	33.69 ± 9.14	35.5 ± 8.41	34.35 ± 8.92	32.03 ± 6.47	35.4 ± 10.35	34.61 ± 6.77	–
Social awareness	27.09 ± 9.2	25.85 ± 7.54	26.39 ± 8.32	23.34 ± 8.09	24.66 ± 7.96	21.03 ± 6.27	3.05*
Social skills	38.61 ± 8.81	38.49 ± 8.45	38.61 ± 7.65	37.86 ± 9.55	40.68 ± 8.23	42.55 ± 7.66	–
Social intelligence (total)	65.7 ± 12.5	64.34 ± 11.52	65.01 ± 9.72	61.2 ± 9.77	65.34 ± 8.66	63.58 ± 8.27	–

Note: CA—cyber-aggression; * p ≤ 0.05; ** p ≤ 0.01.

с возрастом (от 27,09 до 21,03), а социальных навыков — увеличиваются (от 38,61 до 42,55).

Сопоставление показателей, характеризующих типы агрессии, между собой позволяет констатировать, что в выборке в целом, а также в подгруппах, выделенных по возрасту, несколько преобладает произвольно-ответный тип киберагрессии, однако эти различия достигают статистически значимых величин только для показателей импульсивно-инициативной киберагрессии.

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой возрастной группы, позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и показателями социального интеллекта, и кроме того, зафиксировал снижение количества взаимосвязей между этими показателями по мере взросления подростков. В выборке 15-летних респондентов таких взаимосвязей не обнаружено, в то время как в выборке 16-летних обнаружены самые сильные статистически значимые взаимосвязи: между произвольно-инициативной киберагрессией и социальным осознанием ($r_s = 0,55$ при $p = 0,01$), импульсивно-инициативной киберагрессией, социальным осознанием ($r_s = 0,61$ при $p = 0,01$) и социальным интеллектом в целом ($r_s = 0,55$ при $p = 0,01$), склонностью к киберагрессии и социальным осознанием ($r_s = 0,56$ при $p = 0,01$). В выборке 13-летних выявлена отрицательная взаимосвязь между импульсивно-ответной киберагрессией и социальными навыками ($r_s = -0,24$ при $p = 0,05$). Положитель-

ная взаимосвязь между социальными навыками и произвольно-инициативной киберагрессией обнаружена только в выборке 12-летних подростков.

Регрессионный анализ, осуществленный на совокупной выборке, позволил получить статистически значимую регрессионную модель как для суммарного показателя киберагрессии, так и для каждого ее фактора. Для исключения зависимости между переменными-предикторами регрессионный анализ проведен отдельно для социального интеллекта в целом и отдельно для составляющих факторов — социального осознания и социальных навыков (табл. 3).

Согласно представленным регрессионным моделям, социальное осознание является предиктором для всех форм киберагрессии, в то время как социальные навыки — для суммарного показателя киберагрессии, а также для произвольно-ответной и импульсивно-инициативной форм. Суммарный показатель социального интеллекта стал предиктором для всех форм проявления киберагрессии (табл. 4). Тесных взаимосвязей между переменными-предикторами и склонностью к проявлению киберагрессии выявлено не было.

Из представленных таблиц мы видим, что исследуемые предикторы не оказывают сильного влияния на склонность к проявлению киберагрессии, так как максимальное значение коэффициента детерминации составляет $R^2 = 0,104$. На этом основании было сделано предположение о том, что киберагрессия может

Табл. 3. Результаты регрессионного анализа

Предикторы киберагрессии	R	Std. Err. of R	B	Std. Err. of B	β	t
<i>Киберагрессия (сум.): $R^2 = 0,097$, при $p = 0,001$</i>						
Социальное осознание	0,31	8,27	0,33	0,06	0,32	5,75
Социальные навыки			0,12	0,06	0,11	2,05
<i>Импульсивно-ответная КА: $R^2 = 0,042$, при $p = 0,001$</i>						
Социальное осознание	0,21	3,22	0,08	0,02	0,21	3,72
<i>Произвольно-ответная КА: $R^2 = 0,104$, при $p = 0,001$</i>						
Социальное осознание	0,32	2,8	0,12	0,02	0,32	5,94
Социальные навыки			0,04	0,02	0,12	2,24
<i>Произвольно-инициативная КА: $R^2 = 0,02$, при $p = 0,001$</i>						
Социальное осознание	0,14	2,35	0,04	0,02	0,14	2,57
<i>Импульсивно-инициативная КА: $R^2 = 0,079$, при $p = 0,001$</i>						
Социальное осознание	0,28	2,57	0,09	0,02	0,26	4,86
Социальные навыки			0,05	0,02	0,15	2,74

Примечание: КА — киберагрессия.

Table 3. Results of regression analysis

Predictors of cyber-aggression	R	Std. Err. of R	B	Std. Err. of B	β	t
<i>Cyber-aggression (total): R² = 0.097, p = 0.001</i>						
Social awareness	0.31	8.27	0.33	0.06	0.32	5.75
Social skills			0.12	0.06	0.11	2.05
<i>Impulsive-aversive CA: R² = 0.042, p = 0.001</i>						
Social awareness	0.21	3.22	0.08	0.02	0.21	3.72
<i>Controlled-aversive CA: R² = 0.104, p = 0.001</i>						
Social awareness	0.32	2.8	0.12	0.02	0.32	5.94
Social skills			0.04	0.02	0.12	2.24
<i>Controlled-appetitive CA: R² = 0.02, p = 0.001</i>						
Social awareness	0.14	2.35	0.04	0.02	0.14	2.57
<i>Impulsive-appetitive CA: R² = 0.079, p = 0.001</i>						
Social awareness	0.28	2.57	0.09	0.02	0.26	4.86
Social skills			0.05	0.02	0.15	2.74

Note: CA—cyber-aggression.

Табл. 4. Результаты регрессионного анализа (значимый предиктор — социальный интеллект (сум.))*

Зависимая переменная	R ²	R	Std. Err. of R	B	Std. Err. of B	β	t
Киберагрессия (сум.)	0,071	0,27	8,37	0,22	0,05	0,27	4,92
Импульсивно-ответная КА	0,013	0,11	3,27	0,04	0,02	0,11	2,04
Произвольно-ответная КА	0,078	0,28	2,84	0,08	0,02	0,28	5,16
Произвольно-инициативная КА	0,03	0,17	2,34	0,04	0,01	0,17	3,13
Импульсивно-инициативная КА	0,07	0,26	2,57	0,07	0,01	0,26	4,85

Примечание: КА — киберагрессия; *— при p = 0,001.

Table 4. Results of regression analysis (significant predictor—social intelligence (total))*

Dependent variable	R ²	R	Std. Err. of R	B	Std. Err. of B	β	t
Cyber-aggression (total)	0.071	0.27	8.37	0.22	0.05	0.27	4.92
Impulsive-aversive CA	0.013	0.11	3.27	0.04	0.02	0.11	2.04
Controlled-aversive CA	0.078	0.28	2.84	0.08	0.02	0.28	5.16
Controlled-appetitive CA	0.03	0.17	2.34	0.04	0.01	0.17	3.13
Impulsive-appetitive CA	0.07	0.26	2.57	0.07	0.01	0.26	4.85

Note: CA—cyber-aggression; * p = 0.001.

иметь разную личностную детерминацию, то есть поддерживаться разными личностными особенностями. В нашем случае наибольшей значимостью обладает социальное осознание. Таким образом, способность подростков быть

чуткими ко всем вербальным и невербальным проявлениям окружающих в большей степени оказывает влияние на склонность к проявлению киберагрессии, в сравнении с умением решать социальные задачи в процессе общения.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования свидетельствуют об актуальности изучения особенностей онлайн-коммуникаций, в частности проявления киберагрессии. Склонность к киберагрессии обнаруживается на протяжении всего подросткового возраста, причем преобладающей является произвольно-ответная ее форма. В младшем подростковом возрасте также возможно проявление импульсивно-ответной киберагрессии, а в старшем — импульсивно-инициативной. Младшие подростки эмоционально реагируют на провокации других пользователей интернет-коммуникаций, низкий уровень развития социальных навыков не позволяет им еще в достаточной мере контролировать свои эмоции и поведение. В свою очередь, старшие подростки, имеющие более сформированные умения решать социальные задачи, используют киберагрессию как развлечение и отдых, для получения положительных эмоций от интернет-коммуникаций. Исследователями показано, что онлайн-взаимодействие отличается от реального общения, в частности, недооценкой последствий собственных действий, возможностью сконструировать собственную идентичность, изменить ее, прервать или прекратить общение в любой момент (Бовина, Дворянчиков 2020). Это, вероятно, позволяет подросткам использовать социальный интеллект для понимания возможных эмоциональных реакций жертвы, однако не способствует отказу от агрессивных действий в ее адрес, поскольку их последствия не кажутся агрессору достаточно серьезными.

Таким образом, в нашем исследовании мы подтвердили наличие связи между склонностью к проявлению киберагрессии и социальным интеллектом. Но полученные результаты не позволяют прогнозировать степень проявления киберагрессии в зависимости от уровня развития социального интеллекта.

Основываясь на результатах, характеризующих возрастную динамику склонности к киберагрессии во взаимосвязи с социальным интеллектом, можно предположить, что младшие подростки пробуют разные модели поведения и отношений как в реальной жизни, так и в онлайн-коммуникациях. Данные выводы согласуются с нашими предыдущими исследованиями (Антипина 2021). В свою очередь, старшие подростки уже подходят к процессу онлайн-общения более осознанно, уверенно понимая эмоциональное состояние окружающих, умеют прогнозировать их поведение. Возможно, переломным моментом становится 14–15-летний возраст.

Полученные в нашем исследовании результаты дают нам основание рассматривать социальное осознание, социальные навыки и социальный интеллект в целом в качестве коррелятов киберагрессии в подростковом возрасте. Обнаруженные в ходе регрессионного анализа взаимосвязи склонности к киберагрессии, социального осознания, социальных навыков и социального интеллекта в целом являются довольно слабыми. Это позволяет нам предположить, что киберагрессия, понимаемая как деструктивное поведение в интернет-пространстве, детерминирована различными мотивами и имеет непосредственные связи с личностными особенностями подростков, не связанными напрямую с их социальными компетенциями.

Выводы

В данном исследовании мы рассматривали такую форму онлайн-поведения подростков, как киберагрессия, а также ее психологические детерминанты. Подростки могут использовать киберагрессию для привлечения внимания, как способ общения или развлечения, рассматривая такое поведение как нормативное. По мере взросления подростки чаще проявляют агрессию в сети ради развлечения и отдыха, нежели пытаясь сознательно навредить собеседнику. В нашем исследовании было показано, что склонность к киберагрессии, социальный интеллект в целом и социальное осознание как один из его компонентов демонстрируют сильные прямолинейные взаимосвязи на протяжении подросткового периода (за исключением 15-летнего возраста). Социальные навыки показывают фрагментарную связь с киберагрессией только у 12–13-летних подростков. При этом независимо от возраста социальный интеллект в целом и его составляющие, такие как социальное осознание и социальные навыки, являются значимыми предикторами склонности к киберагрессии. Связь киберагрессии подростков с их возрастом может свидетельствовать о том, что киберагрессия выступает одним из способов решения возрастных задач развития и требует более углубленного изучения.

Дальнейшие исследования в области онлайн-коммуникаций и киберагрессии в среде подростков могут стать основой для решения одной из важных задач для современного общества — снижения уровня агрессивности участников интернет-взаимодействия. Результаты, полученные в нашем исследовании, указывают на необходимость дифференцированного подхода к про-

филактики и коррекции киберагрессии подростков с учетом возрастных особенностей проявлений агрессии в интернет-пространстве.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the study followed the ethical guidelines for human and animal studies.

Литература

- Антипина, С. С. (2021) Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики. *Вестник Кемеровского государственного университета*, т. 23, № 1, с. 113–122. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122>
- Антипина, С. С., Микляева, А. В. (2021) Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте. *Российский психологический журнал*, т. 18, № 2, с. 94–108. <https://doi.org/10.21702/grj.2021.2.6>
- Аршанская (Шешукова), О. В. (2018) *Психологические условия становления социального интеллекта: история и современность*. Тамбов: Юком, 85 с.
- Бовина, И. Б., Дворянчиков, Н. В. (2020) Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? *Психологическая наука и образование*, т. 25, № 3, с. 101–115. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250309>
- Бочавер, А. А., Хломов, К. Д. (2014) Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 11, № 3, с. 178–191.
- Гилфорд, Дж. (1965) Три стороны интеллекта. В кн.: А. М. Матюшкин (ред.). *Психология мышления. Сборник переводов с немецкого и английского*. М.: Прогресс, с. 433–456.
- Калиновская, М. А. (2011) Особенности социального интеллекта и выбора стратегий поведения подростков. *Молодой ученый*, № 3–2 (26), с. 88–91.
- Карпович, Т. Н. (2002) Социальный интеллект и пути его развития у учащихся юношеского возраста. *Психология*, № 3, с. 78–85.
- Наследов, А. Д., Семенов, В. Ю. (2015) Модификация шкалы социального интеллекта Tromsø для российских школьников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, № 4, с. 5–21.
- Погорелова, Е. И., Арькова, И. В., Голубовская, А. С. (2016) Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга. *Северо-Кавказский психологический вестник*, т. 14, № 2, с. 47–53.
- Серажетдинова, С. Д. (2020) Психолого-педагогические особенности воспитания подростков в цифровую эпоху. *Международный студенческий научный вестник*, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19882> (дата обращения 31.12.2021).
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Илюхина, С. Н. (2019) *Мы в ответе за цифровой мир: профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете*. М.: Когито-Центр, 176 с.
- Хломов, К. Д., Давыдов, Д. Г., Бочавер, А. А. (2019) Кибербуллинг в опыте российских подростков. *Психология и право*, т. 9, № 2, с. 276–295. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219>
- Шаров, А. А. (2020) Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, т. 9, № 2, с. 118–125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>
- Ярец, А. Д., Хатулева, Д. С., Кирило, А. В. (2019) Разновидности конфликтов и агрессии в интернет-коммуникации. В кн.: Н. Н. Нижнева (ред.). *Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XIII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов 22 ноября 2019 г. Т. 2*. Минск: БГУ, с. 201–214.
- Bauman, S., Bellmore, A. (2015) New directions in cyberbullying research. *Journal of School Violence*, vol. 14, no. 1, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.968281>
- Estevez, A., Jauregui, P., Lopez-Gonzalez, H. (2019) Attachment and behavioral addictions in adolescents: The mediating and moderating role of coping strategies. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 60, no. 4, pp. 348–360. <https://doi.org/10.1111/sjop.12547>

- Grigg, D. W. (2010) Cyber-aggression: Definition and concept of cyberbullying. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, vol. 20, no. 2, pp. 143–156. <https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143>
- Landazabal, M. G. (2017) Conducta antisocial: Conexion con bullying/cyberbullying y estrategias de resolucion de conflictos. *Psychosocial Intervention*, vol. 26, no. 1, pp. 47–54. <https://doi.org/10.1016/j.psi.2015.12.002>
- Runions, K. C. (2013) Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 42, no. 5, pp. 751–771. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2>
- Runions, K. C., Bak, M., Shaw, T. (2017) Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ). *Aggressive Behavior*, vol. 43, no. 1, pp. 74–84. <https://doi.org/10.1002/ab.21663>
- Thorndike, E. L. (1920) Intelligence and its uses. *Harper's Magazine*, vol. 140, pp. 227–235.
- Vazsonyi, A. T., Machackova, H., Sevcikova, A. et al. (2012) Cyber-bullying in context: Direct and indirect effects by low self-control across 25 European countries. *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 9, no. 2, pp. 210–227. <https://doi.org/10.1080/17405629.2011.644919>
- Yudes, C., Rey Peña, L., Extremera Pacheco, N. (2019) Ciberagresión, adicción a internet e inteligencia emocional en adolescentes: un análisis de diferencias de género. *Voces de la Educacion*, no. 2, pp. 27–44. [Online]. Available at: <https://www.revista.vocesdelaeducacion.com.mx/index.php/voces/article/view/210> (accessed 31.12.2021).
- Zych, I., Beltrán-Catalán, M., Ortega-Ruiz, R., Llorent, V. J. (2018) Social and emotional competencies in adolescents involved in different bullying and cyberbullying roles. *Revista de Psicodidactica*, vol. 23, no. 2, pp. 86–93. <https://doi.org/10.1016/j.psicoe.2017.12.001>

References

- Antipina, S. S. (2021) Oprosnik “Tipologiya kiberagressii”: struktura i pervichnye psikhometricheskie kharakteristiki [Cyber-aggression typology questionnaire: Structure and primary psychometric characteristics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — The Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 23, no. 1, pp. 113–122. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122> (In Russian)
- Antipina, S. S., Miklyaeva, A. V. (2021) Vzaimosvyaz' sklonnosti k kiberagressii, agressivnosti i empatii v podrostkovom vozraste [Relationship among the tendency to cyber-aggression, aggressiveness, and empathy in adolescence]. *Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 18, no. 2, pp. 94–108. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.2.6> (In Russian)
- Arshanskaya (Sheshukova), O. V. (2018) *Psikhologicheskie usloviya stanovleniya sotsial'nogo intellekta: istoriya i sovremennost'* [Psychological conditions for the formation of social intelligence: History and modernity]. Tambov: Yukom Publ., 85 p. (In Russian)
- Bauman, S., Bellmore, A. (2015) New directions in cyberbullying research. *Journal of School Violence*, vol. 14, no. 1, pp. 1–10. <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.968281> (In English)
- Bochaver, A. A., Khlomov, K. D. (2014) Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii [Cyberbullying: Bullying in the space of modern technologies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 11, no. 3, pp. 178–191. (In Russian)
- Bovina, I. B., Dvoryanchikov, N. V. (2020) Povedenie onlajn i oflajn: dve real'nosti ili odna? [Online and offline behavior: Two realities or one?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 25, no. 3, pp. 101–115. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250309> (In Russian)
- Estevez, A., Jauregui, P., Lopez-Gonzalez, H. (2019) Attachment and behavioral addictions in adolescents: The mediating and moderating role of coping strategies. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 60, no. 4, pp. 348–360. <https://doi.org/10.1111/sjop.12547> (In English)
- Gilford, J. (1965) Tri storony intellekta [The three sides of intelligence]. In: A. M. Matyushkin (ed.). *Psikhologiya myshleniya. Sbornik perevodov s nemetskogo i anglijskogo* [Psychology of thinking. Collection of translations from German and English]. Moscow: Progress Publ., pp. 433–456. (In Russian)
- Grigg, D. W. (2010) Cyber-aggression: Definition and concept of cyberbullying. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, vol. 20, no. 2, pp. 143–156. <https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143> (In English)
- Kalinovskaya, M. A. (2011) Osobennosti sotsial'nogo intellekta i vybora strategij povedeniya podrostkov [Features of social intelligence and the choice of strategies for adolescent behavior]. *Molodoj uchenyj*, vol. 2, no. 3, pp. 88–91. (In Russian)
- Karpovich, T. N. (2002) Sotsial'nyj intellekt i puti ego razvitiya u uchashchikhsya yunosheskogo vozrasta [Social intelligence and ways of its development in adolescent students]. *Psikhologiya*, no. 3, pp. 78–85. (In Russian)
- Khlomov, K. D., Davydov, D. G., Bochaver, A. A. (2019) Kiberbulling v opyte rossijskikh podrostkov [Cyberbullying in the experience of Russian teenagers]. *Psikhologiya i pravo — Psychology and Law*, vol. 9, no. 2, pp. 276–295. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090219> (In Russian)
- Landazabal, M. G. (2017) Conducta antisocial: Conexion con bullying/cyberbullying y estrategias de resolucion de conflictos [Antisocial behavior: connection with bullying/cyberbullying and conflict resolution]. *Psychosocial Intervention*, vol. 26, no. 1, pp. 47–54. <https://doi.org/10.1016/j.psi.2015.12.002> (In Spanish)

- Nasledov, A. D., Semenov, V. Yu. (2015) Modifikatsiya shkaly sotsial'nogo intellekta Tromsø dlya rossiiskikh shkol'nikov [Modification of the Tromsø social intelligence scale for the Russian school pupils]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika — Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, no. 4, pp. 5–21. (In Russian)
- Pogorelova, E. I., Ar'kova, I. V., Golubovskaya, A. C. (2016) Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, vklyuchennykh v situatsiyu kiberbullinga [Psychological features of adolescents, involved in cyberbullying situations]. *Severo-Kavkazskij psikhologicheskij vestnik — North-Caucasian Psychological Bulletin*, vol. 14, no. 2, pp. 47–53. (In Russian)
- Runions, K. C. (2013) Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 42, no. 5, pp. 751–771. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2> (In English)
- Runions, K. C., Bak, M., Shaw, T. (2017) Disentangling functions of online aggression: The cyber-aggression typology questionnaire (CATQ). *Aggressive Behavior*, vol. 43, no. 1, pp. 74–84. <https://doi.org/10.1002/ab.21663> (In English)
- Serazhetdinova, S. D. (2020) Psikhologo-pedagogicheskie osobennosti vospitaniya podrostkov v tsifrovuyu epokhu [Psychological and pedagogical features of teaching teenagers in a digital epoch]. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik — European Student Scientific Journal*, no. 1. [Online]. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19882> (accessed 31.12.2021). (In Russian)
- Sharov, A. A. (2020) Izmerenie kiberagressii: razrabotka russkoyazychnogo analoga oprosnika CYBA [Measuring cyber aggression: Development of Russian version of CYBA questionnaire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya — Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, vol. 9, no. 2, pp. 118–125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125> (In Russian)
- Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., Dreneva, A. A., Ilyukhina, S. N. (2019) *My v otvete za tsifrovoj mir: profilaktika destruktivnogo povedeniya podrostkov i molodezhi v Internete [We are responsible for the digital world: Preventing destructive behavior of adolescents and young people on the Internet]*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 176 p. (In Russian)
- Thorndike, E. L. (1920) Intelligence and its use. *Harper's Magazine*, vol. 140, pp. 227–235. (In English)
- Vazsonyi, A. T., Machackova, H., Sevcikova, A. et al. (2012) Cyber-bullying in context: Direct and indirect effects by low self-control across 25 European countries. *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 9, no. 2, pp. 210–227. <https://doi.org/10.1080/17405629.2011.644919> (In English)
- Yarets, A. D., Khatuleva, D. S., Kirilo, A. V. (2019) Raznovidnosti konfliktov i agressii v internet-kommunikatsii [Varieties of conflicts and aggression in Internet communication]. In: N. N. Nizhneva (ed.). *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisov XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavatelej, aspirantov, magistrantov, studentov 22 noyabrya 2019 g. [Ideas. Quest. Solutions: Collection of articles and abstracts of the XIII International scientific and practical conference of teachers, graduate students, undergraduates, students November 22, 2019]*. Vol. 2. Minsk: Belarussian State University Publ., pp. 201–214. (In Russian)
- Yudes, C., Rey Peña, L., Extremera Pacheco, N. (2019) Ciberagresión, adicción a internet e inteligencia emocional en adolescentes: un análisis de diferencias de género [Cyberbullying, internet addiction and emotional intelligence in adolescents: A gender difference analysis]. *Voces de la Educacion*, no. 2, pp. 27–44. [Online]. Available at: <https://www.revista.vocesdelaeducacion.com.mx/index.php/voces/article/view/210> (accessed 31.12.2021). (In Spanish)
- Zych, I., Beltrán-Catalán, M., Ortega-Ruiz, R., Llorent, V. J. (2018) Social and emotional competencies in adolescents involved in different bullying and cyberbullying roles. *Revista de Psicodidactica*, vol. 23, no. 2, pp. 86–93. <https://doi.org/10.1016/j.psicoe.2017.12.001> (In English)